

Язык истина и логика¹

Предисловие к первому изданию

Идеи, развиваемые в предлагаемом исследовании, берут свое начало в доктринах Бертрانا Рассела и Витгенштейна, логически вытекающих, в свою очередь, из эмпиризма Беркли и Дэвида Юма. Подобно Юму, я подразделяю все подлинные пропозиции на два класса: те, которые, в его терминологии, касаются «отношений между идеями», и те, которые касаются «фактов». Первый класс включает априорные пропозиции логики и чистой математики, которые я полагаю необходимыми и достоверными исключительно в силу их аналитичности. То есть я утверждаю, что данные пропозиции не могут быть опровергнуты нашим опытом, потому что они ничего не утверждают об эмпирическом мире, а всего лишь отражают наше стремление определенным образом использовать символы. С другой стороны, пропозиции, касающиеся эмпирических фактов, я считаю гипотезами, которые могут быть вероятными, но никак не достоверными. И предлагая описание метода их подтверждения, я тем самым претендую на объяснение природы истины.

Чтобы проверить, выражает ли предложение [sentence] подлинную эмпирическую гипотезу, я применяю так называемый модифицированный принцип верификации. Это означает, что я требую не окончательной верифицируемости эмпирической гипотезы, а наличия какого-либо возможного чувственного опыта, соответствующего установлению ее истинности или ложности. Если предполагаемая пропозиция не удовлетворяет этому принципу и не является тавтологией, то я полагаю ее метафизической, а в виду ее метафизичности — не истинной, не ложной, а буквально бессмысленной [senseless]. Будет показано, что многое из того, что обычно считается философией, согласно этому критерию, является метафизикой, и что, в частности, нельзя осмысленно утверждать существование неэмпирического мира ценностей, или бессмертной человеческой души, или трансцендентного Бога.

Что касается самих философских пропозиций, то они принимаются как лингвистически необходимые и, следовательно, аналитические. В вопросе же взаимоотношений философии с эмпирической наукой будет показано, что

¹ Перевод А. М. Ткаченко по изданию Ayer A. J. *Language Truth and Logic*, New York: Dover Publications, 1946. P. 31–45. Сверка перевода — Алексей Черняк. Редактор — Виталий Куренной.

философ не в состоянии ни предоставить спекулятивные истины, которые соперничали бы с научными гипотезами, как это имело место, ни выносить априорные суждения [judgements] по поводу законности научных теорий, а что его функция заключается в прояснении научных положений путем выявления их логических связей и определения встречающихся в них символов. Таким образом, я заявляю, что в природе философии нет ничего, что могло бы оправдать существование конфликтующих философских «школ». И я пытаюсь обосновать это, давая окончательное решение проблем, которые были главными источниками противоречий между философами в прошлом.

Взгляд на философствование как аналитическую деятельность ассоциируется в Англии с работой Д. Э. Мура и его учеников. Но хотя я многому научился у профессора Мура, у меня есть основание полагать, что он и его последователи не готовы принять столь бескомпромиссный феноменализм, какой принимаю я, и что их взгляд на природу философского анализа отличается от моего. Мои взгляды лучше всего согласуются с взглядами философов, составивших «Венский кружок» под предводительством Морица Шлика, широко известных как логические позитивисты. Из них больше всего я обязан Рудольфу Карнапу. Помимо этого, я в долгу перед Гилбертом Райлом, моим первым учителем философии, и Исайей Берлином, который обсуждал со мной каждый шаг аргументации данного исследования и внес много ценных предложений, хотя они оба несогласны со многими моими утверждениями. И, кроме того, я должен выразить признательность Д. Р. М. Уиллису за исправление доказательств.

II Foubert's Place,
London.
My 1935

А. Д. Айер.

Глава 1. Устранение метафизики

Традиционные разногласия между философами по большей части столь же неоправданны, сколь и бесплодны. Самый надежный способ прекратить их заключается в окончательном определении того, какими должны быть цель и метод философского исследования. А эта задача совсем не столь сложна, как это следовало бы предполагать, изучив историю философии. Ведь если наука оставляет открытыми какие-то вопросы, чтобы на них отвечала философия, простой метод исключения должен их обнаружить.

Можно начать с критики метафизического тезиса о том, что философия дает нам знание о реальности, выходящей за рамки мира науки и здравого смысла. Позже, когда мы подойдем к определению метафизики и объяснению ее существования, нам станет ясно, что можно быть метафизиком и не верить в трансцендентную реальность, так как мы увидим, что многие метафизические высказывания [utterances] обязаны своим существованием, скорее, логическим ошибкам, нежели осознанному желанию их авторов выйти за пределы опыта. Но нам удобно принять в качестве исходной точки обсуждения случай того, кто верит в возможность иметь знание трансцендентной реальности. Впоследствии выяснится, что аргументы, которые мы используем для опровержения этой точки зрения, применимы к метафизике в целом.

Один из способов атаковать метафизика, претендующего на знание реальности, выходящей за рамки феноменального мира, — поинтересоваться, из каких посылок он вывел свои положения. Не должен ли он, как все другие люди, начать со свидетельства своих собственных чувств? А если так, то какой законный мыслительный процесс может привести его к концепции трансцендентной реальности? Естественно, из эмпирических посылок нельзя законно вывести ничего, касающегося свойств или даже существования чего-либо сверхэмпирического. Но на это возражение метафизик ответил бы, что его утверждения в конечном счете не основаны на свидетельствах его собственных чувств. Он бы сказал, что природа наделила его способностью к интеллектуальной интуиции, которая позволила ему знать факты, не познаваемые в чувственном опыте. И даже если бы можно было показать, что он полагается на эмпирические посылки, и что поэтому его затея с неэмпирическим миром была логически необоснованна, из этого не следовало бы, что сделанные им по поводу этого неэмпирического мира утверждения не могут быть истинными. Ведь тот факт, что заключение не следует из его предполагаемых посылок, еще не доказывает ложность этого заключения. Следовательно, систему трансцендентной метафизики невозможно опрокинуть просто критикой способа ее возникновения. Здесь необходима критика природы действительных составляющих ее утверждений [statements]. В этом, собственно, и будет состоять наша аргументация, так как мы будем настаивать на том, что никакое утверждение, указывающее на «реальность», выходящую за рамки любого возможного чувственного опыта, не может иметь никакой буквальной значимости [significance]. Отсюда должно следовать, что труды всех тех, кто пытался описать подобную реальность, были всецело посвящены производству бессмысленности.

Может возникнуть предположение, что вышесказанное уже было доказано Кантом. Однако хотя Кант также осудил трансцендентную метафизику, но он сделал это на других основаниях. Он говорил, что человеческое понимание устроено таким образом, что путается в противоречиях, как только пытается выйти за рамки возможного опыта и иметь дело с вещами самими по себе. Соответственно, невозможность трансцендентной метафизики он выводил не из логики, а из фактов. Он не утверждал, что наш разум не мог бы в принципе проникнуть за рамки мира феноменов, но что он просто фактически на это не способен. А это подводит критика к вопросу: если возможно знать только то, что находится в границах чувственного опыта, то как автор может обоснованно утверждать существование реальных вещей за этими границами, и как он может сказать, где проходит эта граница, за которую не может осмелиться выйти человеческое понимание, если он сам не преодолел ее? Как говорит Витгенштейн, «чтобы очертить границу мышления, мы должны мыслить по обе стороны от этой границы»². Эту истину особым образом переинтерпретирует Бредли, заявляя, что человек, готовый доказать невозможность метафизики, сам — брат-метафизик со своей собственной конкурирующей теорией³.

² Логико-философский трактат, введение.

³ Бредли, Форма и реальность, 2-е изд.

Но какую бы силу ни имели эти возражения против доктрины Канта, им нечего противопоставить тезису, который я намерен отстаивать. В отношении него нельзя говорить, что сам автор перешагивает через барьер, который, как он считает, невозможно перейти. Ведь бесплодность попыток выйти за границы возможного чувственного опыта в этом случае выводится не из психологической гипотезы, касающейся действительного устройства человеческого разума, а из правила, определяющего буквальную значимость языка. Мы обвиняем метафизика вовсе не в том, что он пытается применить человеческое понимание в сфере, где его невозможно плодотворно применить, а в том, что составленные им предложения не удовлетворяют условиям, необходимым для того, чтобы предложение имело буквальную значимость. И мы сами не обязаны говорить бессмыслицу для того, чтобы показать, что все предложения определенного типа необходимо лишены буквальной значимости. Нам нужно только сформулировать критерий, опираясь на который мы сможем проверить, выражает ли данное предложение подлинную пропозицию о факте, а затем указать, что рассматриваемые предложения не удовлетворяют этому критерию. К этому мы теперь и перейдем. Сначала мы сформулируем указанный критерий в несколько неопределенных терминах, а затем дадим необходимые для его уточнения пояснения.

Критерий, используемый нами для проверки подлинности явных утверждений о фактах, — это критерий верифицируемости. Мы говорим, что предложение фактически значимо для любого данного индивида, если и только если он знает, как верифицировать пропозицию, которую должно выразить это предложение, т. е. если он знает, какие наблюдения приведут его при определенных условиях к признанию этой пропозиции истинной или отвержению ее как ложной. Если же, с другой стороны, предполагаемая пропозиция такова, что признание ее истинности или ложности совместимо с любым утверждением, касающимся природы будущего опыта индивида, то в зависимости от заинтересованности в ней индивида, она представляет собой, если не тавтологию, то просто псевдо-пропозицию. Выражающее ее предложение может быть значимо для него эмоционально, но не буквально. И та же самая процедура применима к вопросам. Каждый раз мы выясняем, какие наблюдения привели бы нас так или иначе к ответу на вопрос; и если таковых не обнаруживается, нам следует заключить, что обсуждаемое предложение, поскольку мы в нем заинтересованы, не выражает подлинного вопроса, сколь бы настойчиво на это ни указывала его грамматическая форма.

Так как применение этой процедуры является существенным элементом аргумента этой книги, необходимо рассмотреть ее в деталях.

Прежде всего, необходимо провести различие между практической верифицируемостью и верифицируемостью в принципе. Ясно, что мы понимаем и во многих случаях принимаем на веру пропозиции без какой бы то ни было фактической верификации. Многие из них суть пропозиции, которые мы могли бы верифицировать, приложив определенные усилия. Но остается еще некоторое количество значимых пропозиций, касающихся фактов, которые мы не могли бы верифицировать, даже если бы мы захотели, просто по причине отсутствия у нас практических средств помещения себя в ситуацию, в которой можно было бы сделать соответствующие наблюде-

ния. Простым и знакомым примером подобной пропозиции является пропозиция, что на обратной стороне луны есть горы⁴. Еще не изобретена ракета, которая позволила бы мне взглянуть на обратную сторону луны, и поэтому я не в состоянии разрешить данный вопрос посредством действительного наблюдения. Но мне известно, какие наблюдения позволили бы мне его разрешить, если бы я оказался в состоянии их осуществить, что теоретически вполне возможно. Поэтому я говорю, что данная пропозиция в принципе, хотя и не на практике, верифицируема и, соответственно, значима. С другой стороны метафизическая псевдо-пропозиция «Абсолют участвует в эволюции и прогрессе, хотя сам по себе не способен к ним»⁵, не верифицируема даже в принципе. Ведь никто не может помыслить наблюдение, которое позволило бы определить, участвует Абсолют или нет в эволюции и прогрессе. Есть, конечно, вероятность того, что автор такого утверждения использует английские слова не так, как их обычно употребляют говорящие на английском языке, и что, на самом деле, он хочет сказать что-то, что может быть эмпирически верифицируемо. Но до тех пор, пока ему не удастся нам объяснить, как верифицировать пропозицию, которую он хочет выразить, он не сможет нам ничего сообщить. А если он признает, а как мне кажется, автор обсуждаемого высказывания признал бы, что его слова не были нацелены на высказывание тавтологии или пропозиции, верифицируемой, по крайней мере, в принципе, то из этого следует, что его высказывание не имеет значимости, даже для него самого.

Следующее различие, которое мы должны сделать, — различие между «сильным» и «слабым» смыслами термина «верифицируема». Пропозиция называется верифицируемой в сильном смысле тогда и только тогда, когда ее истинность может быть окончательно установлена опытным путем. Но если опытным путем мы можем установить лишь ее вероятную истинность, то соответствующая пропозиция верифицируема в слабом смысле. Так в каком же смысле мы говорим, что предполагаемая пропозиция является подлинной, только если она верифицируема?

Мне кажется, что если за критерий значимости принять окончательную верифицируемость, как предлагали некоторые позитивисты⁶, то наш аргумент будет доказывать слишком много. Взять, например, случай общих законов, а именно — таких пропозиций, как «мышьяк ядовит», «все люди смертны», «тело при нагревании расширяется». По самой своей природе истинность этих пропозиций не может быть удостоверена никакой конечной серией наблюдений. Но если понять, что подобные общие законы сконструированы так, чтобы охватывать бесконечное число случаев, то следует признать, что они не могут быть, даже в принципе, окончательно верифицированы. Следовательно, если взять в качестве нашего критерия значимости окончательную верифицируемость, мы будем логически обязаны считать эти общие законы тем же, чем мы считаем высказывания метафизика.

⁴ Пример профессора Шлика для иллюстрации той же проблемы.

⁵ Высказывание взято наугад из книги Ф. г. Брэдли «Видимость и реальность».

⁶ Например, *Schlick M. Positivismus and Realismus // Erkenntnis. Vol. 1. 1930; Waismann F. Logische Analyse des Wahrscheinlichkeitsbegriffs // Erkenntnis. Vol. 1. 1930.*

Ввиду этого затруднения некоторые позитивисты пошли на героический шаг, утверждая, что эти общие пропозиции действительно бессмысленны, но это — существенно важный тип бессмыслицы. Но добавляя здесь термин «важный», они просто пытаются уклониться от прямого ответа. Он лишь призван подчеркнуть, что авторы понимают излишнюю парадоксальность своей точки зрения, никак не пытаясь устранить этот парадокс. Кроме того, указанная трудность не ограничивается случаем общих законов, хотя и проявляется здесь наиболее ярко. Она почти так же очевидно заявляет о себе и в случае пропозиций об отдаленном прошлом. Ведь наверняка следует признать, что как бы сильно исторические высказывания ни подкреплялись свидетельством, их истинность никогда не может быть больше, чем в высшей степени вероятной. И утверждение, что эти пропозиции также составляют важный, или не важный, тип бессмыслицы, звучало бы, по меньшей мере, неправдоподобно. В самом деле, примем, что никакая пропозиция, кроме тавтологии, не может быть чем-то большим, чем вероятной гипотезой. А если это верно, то принцип, согласно которому предложение может быть фактически значимо, только если оно выражает то, что окончательно верифицируемо, сам себя обесмысливает в роли критерия значимости. Ведь он приводит к выводу о невозможности вообще каких бы то ни было значимых утверждений о фактах.

Не можем мы принять и точку зрения, согласно которой предложение следует считать фактически значимым, если и только если оно выражает нечто, определенно опровергаемое опытом⁷. Те, кто придерживаются этого взгляда, предполагают, что хотя никакой конечной серии наблюдений не может быть достаточно для установления истинности гипотезы, вообще исключающего возможность сомнения, существуют критические случаи, когда единичное наблюдение или серия наблюдений может определенно опровергнуть эту гипотезу. Но, как мы покажем позже, это — ложное предположение. Окончательно опровергнуть гипотезу можно не в большей степени, чем окончательно ее подтвердить. Дело в том, что когда наличие определенных наблюдений рассматривается в качестве доказательства ложности данной гипотезы, мы предполагаем наличие определенных условий. И хотя в каком-то данном случае может быть очень маловероятно, чтобы это предположение было ложным, такой случай не является логически невозможным. Мы увидим, что нет никакой самопротиворечивости в том, что некоторые обстоятельства отличаются от наших представлений о них, и что, следовательно, данная гипотеза не опровергается. А если какая-то гипотеза не может быть с определенностью опровергнута, мы не можем утверждать, что подлинность пропозиции зависит от возможности его определенного опровержения.

Таким образом, мы опять приходим к слабому смыслу верификации. Мы говорим, что в отношении любого предполагаемого утверждения о факте следует задавать не вопрос «Сделали ли бы какие-нибудь наблюдения его истинность или ложность логически достоверной?», а просто — «Соответствовали ли бы какие-нибудь наблюдения задаче определения его истинности или ложности?». И только в случае отрицательного ответа на этот второй вопрос мы заключаем, что обсуждаемое утверждение бессмысленно.

⁷ Как это предложено Карлом Поппером в работе «Логика исследования».

Чтобы прояснить нашу позицию, можно сформулировать ее по-другому. Условимся называть пропозицию, фиксирующую действительное или возможное наблюдение, пропозицией опыта. Тогда можно сказать, что признаком подлинной пропозиции факта является не то, что она должна быть эквивалентна пропозиции опыта или любому конечному числу таких пропозиций, а лишь то, что некоторые пропозиции опыта можно вывести из нее в конъюнкции с некоторыми другими посылками, при том, что их нельзя вывести из одних только этих других посылок⁸.

Данный критерий выглядит довольно либеральным. В противоположность принципу окончательной верифицируемости, он явно не отказывает в значимости общим пропозициям или высказываниям о прошлом. Посмотрим, осмысленные утверждения каких видов он исключает.

Хороший пример высказывания, осужденного нашим критерием в качестве даже не ложного, а бессмысленного — утверждение, что мир чувственного опыта всецело нереален. Конечно, надо признать, что наши чувства иногда обманывают нас. Имея определенные ощущения, мы можем предполагать, что доступные нам ощущения в действительности нам недоступны. Но во всех подобных случаях именно последующий чувственный опыт информирует нас об ошибках, возникших из предшествующего чувственного опыта. Мы говорим, что чувства нас обманывают, только потому, что ожидания, вызванные нашим чувственным опытом, не всегда соответствуют тому опыту, который мы имеем впоследствии. Таким образом, мы полагаемся на наши чувства, подтверждая или опровергая суждения, основанные на наших ощущениях. Следовательно, тот факт, что наши перцептивные суждения иногда обнаруживают свою ошибочность, ни в коей мере не указывают на нереальность мира чувственного опыта. И, разумеется, ясно, что никакое мыслимое наблюдение и никакая серия наблюдений не могут обнаружить нереальность мира, открываемого нам чувственным опытом. И поэтому всякий, кто осуждает чувственный мир как мир простой видимости в противоположность реальности, утверждает нечто буквально бессмысленное согласно нашему критерию значимости.

Примером дискуссии, которую наш критерий позволяет определить как фиктивную, является спор о количестве субстанций, существующих в мире. Так монисты, утверждающие, что реальность представляет собой единую субстанцию, наряду с плюралистами, настаивающими на том, что реальность состоит из множества субстанций, признают, что невозможно представить себе какую-либо эмпирическую ситуацию, которая помогла бы в решении их спора. Но если нам говорят, что никакое возможное наблюдение не сделает вероятным ни утверждение, что реальность есть единая субстанция, ни утверждение, что она состоит из многих субстанций, то мы должны заключить, что ни одно из этих утверждений не значимо. Позже мы увидим, что спор между монистами и плюралистами затрагивает подлинные логические и эмпирические вопросы. Но метафизический вопрос о «субстанции» исключается нашим критерием как поддельный.

⁸ Это очень упрощенное утверждение, не являющееся буквально правильным. Та формулировка, которая мне кажется правильной, приведена во Введении, с. 13.

Подобным же образом следует рассматривать и метафизический аспект спора между реалистами и идеалистами. Простая иллюстрация, которую я использовал в сходном аргументе в другом месте⁹, поможет показать это. Предположим, найдена картина, и высказано предположение, что она принадлежит кисти Гойи. Существует определенная процедура решения подобного вопроса. Эксперты изучат картину на предмет ее сходства с признанными работами Гойи, обнаружения признаков, характерных для этого мастера; они будут искать упоминания современников, которые бы свидетельствовали о существовании этой картины, и т. д. В конце концов, между ними по прежнему может сохраняться разногласие, но каждый из них знает, какое эмпирическое свидетельство подошло бы для подтверждения или опровержения его мнения. Предположим теперь, что эти люди изучали философию и что некоторые из них станут утверждать, что данная картина представляет собой совокупность идей в уме воспринимающего ее зрителя или в уме Бога, а другие — что она объективно реальна. Какой возможный опыт, так или иначе соответствующий решению этого спора, мог бы каждый из них иметь? В обычном смысле термина «реальный», в котором он противоположен термину «иллюзорный», реальность картины не ставится под сомнение. Спорящие убедились в ее реальности в этом смысле, получив соответствующие серии зрительных и осязательных ощущений. Есть ли какой-то сходный процесс, посредством которого они могли бы выяснить, является ли картина реальной в том смысле, в каком термин «реальный» противоположен термину «идеальный»? Ясно, что нет. Но если так, то согласно нашему критерию данная проблема фиктивна. Это не означает, что противоречие между реалистами и идеалистами можно отбросить без дальнейшего разбирательства, поскольку его можно законно рассматривать как спор об анализе пропозиций существования и, соответственно, включающий логическую проблему, которая, как мы увидим, имеет определенное решение. Мы показали только, что данный спор между идеалистами и реалистами становится фиктивным, когда его интерпретируют метафизически, как это часто случается.

Нет необходимости и дальше иллюстрировать работу нашего критерия. Ведь наша цель состоит просто в том, чтобы показать, что философию как подлинную отрасль знания надо отличать от метафизики. Нас здесь не занимает исторический вопрос о том, какую часть того, что традиционно считалось философией, в действительности составляет метафизика. Позднее мы, однако, покажем, что большинство «великих философов» прошлого по существу не были метафизиками, и таким образом переубедем тех, кто иначе не смог бы принять наш критерий из соображений пietetа.

Что касается действенности принципа верификации в той форме, в какой мы его сформулировали, то она будет продемонстрирована по ходу книги. Будет показано, что все пропозиции, имеющие фактическое содержание, являются эмпирическими гипотезами, и что функция эмпирической гипотезы заключается в предоставлении правила предвосхищения будущего опыта. Поэтому всякая эмпирическая гипотеза должна соотноситься с каким-то действительным или возможным опытом. Так что высказывание, не соотнося-

⁹ См.: *Demonstration of the Impossibility of Metaphysics // Mind*. 1934. P. 339.

щесся ни с каким опытом, не является эмпирической гипотезой и, следовательно, не имеет фактического содержания. Но именно это утверждает принцип верификации.

Необходимо отметить, что факт бессмысленности высказываний метафизиков не следует только из факта отсутствия у них фактического содержания. К этому следует добавить факт, что они не являются также априорными пропозициями. И полагая, что они не являются априорными пропозициями, мы снова предвосхищаем выводы одной из последующих глав этой книги. Там будет показано, что априорные пропозиции, всегда привлекавшие философов своей достоверностью, обязаны этой достоверностью тому, что они являются тавтологиями. Поэтому метафизическое предложение мы можем определить как предложение, нацеленное на выражение подлинной пропозиции, но, на самом деле, не выражающее ни тавтологию, ни эмпирическую гипотезу. И поскольку класс значимых пропозиций состоит из тавтологий и эмпирических гипотез, мы обоснованно заключаем, что все метафизические утверждения бессмысленны. Наша следующая задача — показать, как они появились.

Употребление термина «субстанция», к которому мы уже обращались, является собой яркий пример того, каким образом, по большей части, пишется метафизика. Дело в том, что в нашем языке мы не можем указать на чувственно воспринимаемые свойства вещи, не вводя слово или фразу, предположительно обозначающую саму эту вещь в противоположность всему, что может быть о ней сказано. И в результате те, кто разделяет примитивное суеверие, что каждому имени должна соответствовать единственная реальная сущность, полагает необходимым логически отличать саму вещь от любого или всех ее чувственно воспринимаемых свойств. Поэтому для обозначения самой вещи они используют термин «субстанция». Но из того факта, что мы используем единственное слово для обозначения вещи и делаем это слово грамматическим субъектом в предложениях, в которых мы указываем на чувственно воспринимаемые проявления этой вещи, еще никак не следует, что сама эта вещь представляет собой простую «сущность» или что ее нельзя определить в терминах всей совокупности ее проявлений. Говоря о «ее» проявлениях, мы действительно, похоже, отличаем данную вещь от неких данных проявлений, но это — всего лишь стечение обстоятельств употребления языка. Логический анализ показывает, что эти «проявления» становятся «проявлениями» одной и той же вещи не в результате их взаимодействия с сущностью, отличной от них, а в результате их взаимодействия между собой. Метафизику это недоступно ввиду того, что его вводят в заблуждение лежащие на поверхности грамматические особенности его языка.

Более простой пример того, каким образом грамматические соображения приводят к метафизике — случай метафизического понятия Бытия. Источником нашего стремления ставить вопросы о Бытии, на которые никакой мыслимый опыт не может дать нам ответ, является тот факт, что в нашем языке предложения, выражающие пропозиции существования и, соответственно, пропозиции атрибутов могут иметь одинаковую грамматическую форму. Например, предложения «Мученики существуют» и «Мученики страдают» оба состоят из существительного, за которым следует непереходный глагол, и тот факт, что они имеют грамматически одинаковый вид, приводит к положению,

что они принадлежат к одному и тому же логическому типу. Видно, что в пропозиции «Мученики страдают» членам определенного вида приписывается определенный атрибут, и иногда полагают, что то же самое верно и для такой пропозиции, как «Мученики существуют». Если бы это действительно было так, то было бы в самом деле столь же правомерно рассуждать о Бытии мучеников, как правомерно рассуждать об их страдании. Но, как указал Кант¹⁰, существование — не атрибут. Ведь приписывая вещи атрибут, мы неявно утверждаем, что она существует; поэтому, если бы существование само было атрибутом, из этого следовало бы, что все позитивные пропозиции существования суть тавтологии, а все негативные пропозиции существования самопротиворечивы; а это не так¹¹. Поэтому те, кто ставит вопросы о Бытии, основанные на предположении, что существование есть атрибут, повинны в слепом следовании грамматике в счет здравого смысла.

Подобная ошибка была совершена в отношении таких пропозиций, как «Единороги вымышлены». Здесь опять же тот факт, что между английскими предложениями “Dogs are faithful” («Собаки преданны») и “Unicorns are fictitious” («Единороги вымышлены»), и между подобными предложениями в других языках, существует поверхностное грамматическое сходство, наводит на мысль об их принадлежности одному и тому же логическому типу. Чтобы быть «преданными», собаки должны существовать, и, соответственно, полагают, что единороги не могут обладать свойством «вымышленности», если они так или иначе не существуют. Но так как явно самопротиворечиво утверждение, что вымышленные объекты существуют, говорят, будто бы они существуют в некоем не эмпирическом смысле — что их модус реального бытия отличается от модуса бытия существующих вещей. Но в виду того, что нет способа проверить, реален ли объект в том смысле, какой существует для проверки реальности в обычном смысле, утверждение, что вымышленные объекты обладают особым не эмпирическим модусом реального бытия, лишено какой бы то ни было буквальной значимости. Оно стало результатом убеждения, что бытие вымышленным — это атрибут. А это ошибка того же порядка, что и ошибка признания существования в качестве атрибута, и она может быть разоблачена тем же способом.

Вообще, постулирование реальных несуществующих сущностей — следствие предрассудка, на который мы только что указали: считается, что любому слову или фразе, которые могут быть грамматическим субъектом предложения, должна соответствовать некая реальная сущность. А так как в эмпирическом мире не находится места для многих из этих «сущностей», их размещают в особом не-эмпирическом мире. Этому заблуждению следует считать обязанными не только высказывания Хайдеггера, основывающему свою метафизику на предположении, что «Ничто» — это имя, используемое для обозначения чего-то особо загадочного¹², но и господство таких проблем как проблема реальности пропозиций и универсалий, бессмысленность которых, хотя и менее очевидна, но не менее окончательна.

¹⁰ Критика чистого разума, «Трансцендентальная диалектика», книга 2, глава 3, раздел 4.

¹¹ Этот аргумент хорошо сформулировал Джон Уиздом в работе «Interpretation and Analysis» (pp. 62, 63).

¹² См. работу Хайдеггера «Что такое метафизика», а также ее критику у Р. Карнапа (*Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // Erkenntnis. Vol. 2. 1932*).

Эти несколько примеров наглядно демонстрируют, как формулируются большинство метафизических утверждений. Они показывают, насколько легко можно написать буквально бессмысленные предложения, не видя, что они бессмысленны. Итак, теперь мы видим, что точка зрения, согласно которой многие традиционные «проблемы философии» являются метафизическими, а потому вымышленными, не включает никаких невероятных предположений, касающихся психологии философов.

Среди тех, кто признает, что если философия — подлинная отрасль знания, ее следует определить таким образом, чтобы отделить от метафизики, модно говорить о метафизике как о поэте, оказавшемся не на своем месте. Поскольку его утверждения не имеют буквального значения, к ним не применим никакой критерий истинности или ложности: но они могут, тем не менее, выражать и вызывать эмоции, и поэтому к ним применимы этические или эстетические стандарты. И существует мнение, что они могут представлять значительную ценность как средства морального воодушевления или даже как произведения искусства. Таким способом пытаются компенсировать метафизику его вытеснение из философии¹³.

Боюсь только, что эта компенсация вряд ли отвечает его заслугам. Восприятие метафизика как поэта основывается на предположении, что и тот, и другой говорят бессмыслицу. Но это предположение ложно. В подавляющем большинстве случаев предложения, которые производят поэты, имеют буквальное значение. Разница между человеком, использующим язык в научных целях, и человеком, использующим его эмоционально, заключается не в том, что один производит предложения, не способные вызвать эмоцию, а другой — предложения, не имеющие смысла. Просто один в первую очередь заинтересован в выражении истинных пропозиций, а другой — в создании произведения искусства. Поэтому если научный труд содержит в себе важные и истинные пропозиции, его ценность как научного труда вряд ли снизится из-за не очень элегантного изложения. И подобным образом, произведение искусства не обязательно станет хуже, если все составляющие его пропозиции буквально ложны. Но сказать, что многие литературные произведения во многом состоят из ложных утверждений, не значит сказать, что они состоят из псевдо-пропозиций. На самом деле, мало кто из художников слова создает предложения, лишённые буквального значения. И даже в этих случаях предложения тщательно отбираются, исходя из их ритмичности и сбалансированности. Если автор такого произведения пишет бессмыслицу, то только потому, что считает ее лучше всего подходящей для достижения эффектов, на которые рассчитано его произведение.

С другой стороны, метафизик говорит бессмыслицу ненамеренно. Он делает это, потому что его вводит в заблуждение грамматика, или потому что он допускает ошибки в рассуждениях, как, например, та, что ведет к допущению нереальности чувственно воспринимаемого мира. Но простое допущение ошибок подобного рода еще не делает метафизика поэтом. Некоторые, действительно, считают факт бессмысленности высказываний метафизи-

¹³ Обсуждение этого см. также *Mace C. A. Representation and Expression // Analysis. Vol. 1; и Metaphysics and Emotive Language // Analysis. Vol. 2. Nos. 1, 2.*

ка основанием для того, чтобы оспорить представление об их эстетической ценности. Но даже не заходя так далеко, мы можем с полной уверенностью сказать, что данный факт точно не является основанием для приписывания им такой ценности.

Верно, однако, что несмотря на то, что большая часть метафизики представляет собой просто следствие банальных ошибок, некоторые метафизические пассажи выдают работу подлинного мистического чувства, и они с большим основанием могут быть признаны ценными с точки зрения эстетики или морали. Но для нас различие между метафизикой, производимой философом, обманутым грамматикой, и метафизикой, производимой мистиком, пытающимся выразить невыразимое, не имеет большого значения: нам важно осознать, что даже высказывания метафизиков, пытающихся расширить свой взгляд на мир, буквально бессмысленны. Поэтому наши философские изыскания впредь будут так же мало учитывать их, как и самый бесславный вид метафизики, происходящий из неспособности понять работу нашего языка.